

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Иллюстрация на переплете *Анастасии Ивановой*

Калдаев, Денис Сергеевич.

К17 Семь миллионов сапфиров / Денис Калдаев. —
Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101122-2

Хотели бы вы знать дату своей смерти?

Марку Моррицу этого определенно не хотелось. Однако в прогрессивную Эру Анализа каждый должен знать свой статус, который определяется временем жизни и буквой класса. Долгожители получают власть, деньги, уважение и почет. Люди, которым осталось жить меньше пяти лет, — «агнцы» — не получают ничего, кроме унижений, презрения и насмешек.

Какая судьба ждет Марка? И как найти свое место в мире, где на смену дискриминации по полу и цвету кожи приходит дискриминация по дате X?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калдаев Д. С., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101122-2

Глава 1

Мне снова мерещится голос отца. Точно старый озлобленный призрак, он умеет проникать даже в самые укромные уголки моего дома. Чердак ли, закуток за кладовкой, темнота шкафа, отдающая нафталином и пылью, или же влажный подвал — укрытия искать бесполезно. Отец преследует меня повсюду.

— Запомни, Марк, — шепчет он. — Настоящий мужчина обязан знать время своей смерти. Иначе он трус и бесхребетный червь.

Я прикрываю уши, но голос звучит еще громче, въедаясь в мои перепонки:

— Запомни, Марк...

Мы часто помним о детстве только хорошее, ибо память поступает очень мудро: она стирает плохие воспоминания. Но некоторые из них настолько живучи, что, словно глубокие шрамы, врезаются в нас на долгие годы.

Все началось давно, очень давно, когда мама любила петь, мир казался светлым и радостным,

а сам я был мальчиком, до ужаса любопытным. Я всегда буду помнить тот вечер. Отец позвал меня в кабинет, пропахший горечью табака и одеколоном, посадил себе на колени и задал странный вопрос:

— Ты знаешь, о чем поют соловьи?

Соловьи? Я удивился, хотел даже улыбнуться, но отец был необычайно серьезен.

— Прислушайся, — сказал он.

В окно проникала свежесть вечернего сада. Я наострил уши, потянулся к окошку. И точно! Одна из яблонь касалась рам, и в гуще ее листьев раздавались редкие мелодичные трели. Пока не прислушаешься — не заметишь.

— Красиво, правда?

Отец хитро сузил глаза. На его губах замерла полуулыбка.

— О чем же они поют? — Мне не терпелось узнать.

— Многие думают, что их песни о любви. Особенно в этом уверены женщины. Но на самом деле они говорят нам, что жизнь коротка.

— Коротка?

Отец выдержал внушительную паузу, довольный эффектом от своей притчи. Подозреваю, что однажды мой дед точно так же хитровато посматривал на сына, рассказывая ту самую соловьиную басню. Но, очевидно, в глазах семилетнего

мальчика отец был самым авторитетным человеком на свете.

— Ты уже взрослый, Марк, а потому должен узнать кое-что важное.

Помню, внутри меня все затрепетало.

— Я расскажу тебе про Анализ.

Открыв рот, я смотрел на отца.

Анализ. То самое причудливое слово, которое я слышал на каждом углу, но значения которого никогда не понимал. Наконец-то мне откроется тайна! Я потянулся к отцу и поцеловал его в колючую щеку.

— Я слушаю, папа.

Еще никогда я не был так счастлив.

«Это похоже на игру! — писал я на страницах дневника, выводя своей неумелой рукой закорючки букв. — Сегодня папа сказал, что все в нашей стране знают, когда умрут, с точностью до минуты. Он не шутил. Так принято, и для этого изобрели Анализ. Конечно, я ему верю, только пока не понимаю, что значит — умрут. Папа говорит, это означает — уснут навсегда. Это как освобождение из темницы. Бог позовет меня, и я полечу бабочкой на небо.

Когда я слушал, как поют соловьи, в кабинет забежала крошка Сью. Это моя сестренка. Маленькая вредина. Ей четыре годика, она любит

наряжаться в платица, а еще любит шоколадное мороженое. Все-таки она очень милая, не буду врать. В левой руке она держала карандаши, а в правой — рисунок. Она сказала, это подарок, и чмокнула меня в щеку. Я поморщился, назло ей. А рисунок-то замечательный! Это жук-носорог, она сама рисовала. Я очень люблю жуков. Папа похвалил ее и сказал идти в свою комнату. Сюю надула губки и потопала к себе.

Папа сказал, что у нас серьезный разговор. Я кивнул. А потом он протянул мне красивую книжку с седым старичком на обложке. Она называется «Анализ для самых маленьких». Папа спросил, интересно ли мне. Я сказал, что да. Мне захотелось почитать ее перед сном. Я узнал, что Анализ — это когда у тебя берут капельку крови, а потом по ней определяют, сколько ты должен жить. Каждый человек на нашем острове сделал себе Анализ. Так написано в книжке. Папа сказал, что это подготовит меня к школе. Он посоветовал мне завести дневник, в котором я буду писать все, что про это думаю.

Вот такой странный день.

25 августа. Папа у нас большой начальник. Он командует людьми в небоскребе, и все его боятся. Потому что он грозный, как лев. Плохо, что папа часто ругается с мамой, и от этого мне

становится не по себе. Сегодня они опять громко ругались. Пора бы уже привыкнуть. Я слышал, как мама уговаривала папу, чтобы мы все уехали с острова. Но папа ответил, что Эйорхол — это его дом и он никуда не собирается. Я стоял за дверью кабинета и смотрел в щелочку на родителей. Мне тоже не хочется никуда уезжать. Еще мама просила папу, чтобы мне не делали Анализ. Папа назвал ее старообрядкой и закричал, что не выдает ее только потому, что любит. Он сказал, что это будет позором, если мне не сделают Анализ. Мама расплакалась, и тогда мне стало ее очень жалко. Я не хочу, чтобы родители ссорились из-за меня.

Я каждый день по чуть-чуть читаю книжку, которую подарил папа. Она очень интересная. В первой главе написано, что мы живем в стране под названием Эйорхол и она расположена на острове. А дальше все про Анализ. Я узнал, что его открыл ученый, которого зовут Клаусс Мерхэ. Есть даже его фотография, немного жуткая. Он негр с большими выпученными глазами. На шее — белая бабочка. Клаусс Мерхэ — великий гений, написано в книжке. Гений — значит, очень умный. Анализ он открыл очень и очень давно. Я бы тоже хотел стать гением.

Еще я узнал, что Анализ нужно обязательно сделать в восемнадцать лет, но можно и рань-

ше. Но все-таки торопиться не следует. Так я считаю. Еще в книжке много объяснялось, что такое смерть. Хотя я все равно с трудом понимаю, что это. Я представляю ее страшной старухой с белым цветком в волосах, которая крадется за каждым человеком. И однажды она догоняет его.

В книжке сказано, что каждому растению, животному и человеку еще при рождении отмерено, сколько жить. Число лет, месяцев, дней, часов и минут. Например, мотылек должен прожить один день, а потом умереть. То есть исчезнуть. Цветная капуста растет от весны до первых морозов. И тоже гибнет. Слон живет шестьдесят лет, синий кит — восемьдесят, а черепаха — сто пятьдесят лет. Так и человек. В книжке написано, что каждый из нас проживает ровно столько, сколько дал ему Бог. Это как срок годности у йогурта или сыра.

Интересно, а сколько я должен прожить?

28 августа. Мы собирали в саду яблоки, и я спросил папу: зачем нужно делать Анализ? Папа удивленно поднял брови. «Потому что твой дедушка делал его, потом я, а теперь и ты», — сказал он. «Раньше, во времена Эры Неведения, люди многого не знали о своей жизни. Они растрчивали ее на пустяки, —

говорил папа. — Целый день мучились на любимой работе, мечтая скорее сбежать с нее, а вечером смотрели сериалы. Они совершенно не ценили время и жили так, будто у них на счету тысяча лет. Они думали, что бессмертны. Сегодня же люди намного скромнее. Они знают свое место в этом мире, они знают, сколько им отмерено. Они мудрее». Так учил меня папа.

31 августа. Сегодня воскресенье, и мы всей семьей ходили в собор. Он большой и прекрасный. Наверху золотой блестящий купол и крест. Внутри пахнет очень странно. Как будто жгут осенние листья. Сотни людей, все склонили головы, и я тоже. Стены голые, и только в самом центре висит портрет Клаусса Мерхэ. Он все такой же жуткий. У меня от него мурашки по спине.

Мы стоим все вместе. Мама держит за руку крошку Сью. Я рядом с папой. У него такое довольное лицо, будто он захватил мир. Он ждет, когда пастор начнет говорить. Тот одет в черное, на его груди длинный крест. Пастор машет какой-то дымящейся штукой, от нее идет этот странный запах, и мне щиплет глаза. Пастор — посланник Бога, сказал папа. Я поклонился.

Я слышу, как папа молится, потом он крестится. Я повторяю за ним. Вокруг очень тес-

но — много людей. Сью тоже крестится. У нее так смешно получается! Папа одергивает меня, и я перестаю улыбаться. Пастор говорит что-то о пенсиях, а потом об Анализе. Это дар божий, так он сказал. Бог дал его нам, чтобы мы очистили себя от грязи. Я не понял, о какой грязи говорил пастор. Потом папа объяснил мне, что тот имел в виду грязь духовную. И опять я не понял. Тогда папа сказал, что Анализ делает людей лучше, и это я понял.

В конце пастор воскликнул: «Славься, Анализ!» И все повторили это хором, три раза. Я тоже старался крикнуть погромче. Надеюсь, что Бог нас услышал.

Вечером я пытался научить крошку Сью играть в шахматы, как однажды учил меня папа. Она совсем не умеет, и я много нервничал. Она такая капризная! Но мне удалось показать ей, как ходит конь и ладья. Мама сфотографировала нас. Получилось отлично. У Сью большие красивые глаза и ямочки на щеках. У нее всегда ямочки, когда она улыбается. Все бы хорошо, если бы она не ковыряла ферзем в своем маленьком носу! Вредина.

Перед сном мы пили чай с лимонными пирожниками.

6 сентября. Уже неделю хожу в школу. Сегодня суббота, и у меня появилось немного свободного времени, чтобы написать. У нас в группе двадцать пять человек. Я сижу за одной партой с Жоржем. Он заикается — с трудом говорит. А еще он смуглый — как будто все лето провел в Африке, а не на севере Эйорхола. Не понимаю, почему ему сложно сразу что-либо сказать, без запинки? Но он хороший. Так мне кажется. Выручил меня, когда я забыл дату рождения Клаусса Мерхэ.

У нас куча предметов, и они невероятно интересные. Всего — совсем по чуть-чуть. География Эйорхола. Язык эйлит. Биология. Основы технологии. История Эры Неведения. Так называют устаревшие времена. Я узнал, что каждый, кто приезжает жить на остров, должен обязательно сделать Анализ.

Я спросил учителя: как же узнают время смерти? А учитель только загадочно улыбнулся: «Это большая тайна, Марк».

«Тех, кто его не сделал, называют старообрядцами. Они живут в состоянии Неведения, а жить так очень плохо. Неразумно», — сказал учитель.

Моя мама старообрядка, но папа запрещает мне об этом говорить, потому что старообрядцем

быть незаконно. Оказывается, их ловят и заставляют либо сделать Анализ, либо покинуть остров. По-моему, это жестоко.

Сегодня я спросил маму, почему она старобрядка. Она сказала, что Анализ не от Бога. «Но как? — возразил я. Ведь папа говорит, что Бог даровал его нам!» Мама тихонько вздохнула и обняла меня. «Марк, мой милый мальчик, — сказала она. — Однажды ты поймешь. Мы все страдаем от этого».

Но мама не знает. В школе нам говорят, что нет ничего важнее Анализа. Его уважает каждый житель Эйорхола. В школьных кабинетах на стенах висят портреты Клаусса Мерхэ. Правильно говорить, что он — биоинженер. Он уже не так пугает меня. Теперь он кажется мне очень серьезным и умным. Он смотрит как будто сквозь меня. Я становлюсь мал, как букашка, и съеживаюсь под его взглядом.

Оказывается, он провел тысячи опытов, прежде чем изобрести Анализ. Нам сказали, что он уже давно умер, но после него живо очень многое. Причину смерти пока определять не умеют, но кропотливо над этим работают. Вычислить можно только точное время смерти. Оно называется «дата X».

Клаусс Мерхэ — великий человек.

13 сентября. Жорж ноет, что ему не нравятся школьные занятия. Мне же они, напротив, очень по душе. Мне интересен Анализ. Он приятно удивил меня. Увидеть свою жизнь как на ладони. Фантастика! На такое человек никогда не был способен! Разве что волхвы могли предсказать время смерти. Так пишут в сказках. А может, про волхвов — это только миф, неправда.

Нам приводили много примеров из истории Эры Неведения. Я узнал, что Адольфа Гитлера (был такой немец) пытались убить сорок два раза. Но его враги ничего не могли поделать, потому что дата X этого немца была лишь в апреле 1945 года. Нам рассказали, что почти сто лет назад с огромной высоты упал самолет, и выжила только одна женщина. Ее звали Савицкая Лариса. Позже в одной из газет она прочитала, что для нее уже выкопали могилу. Это вообще ужасно! Но причина того, что она не погибла, — та же.

Мик из моей группы проживет шестьдесят два года, тридцать четыре дня и восемь минут. Он всем об этом рассказывает. Ему сделали Анализ сразу, как он родился. Набо проживет девяносто четыре года и семь месяцев. Джейн — семнадцать лет и двадцать два дня. Очень мало.

Жорж сказал, что Анализ — это страшно, но мне так не кажется. Папа говорит, что я буду